

КОБО
АБЭ

Человек-ящик

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Кобо Абэ

Человек-ящик

«Азбука-Аттикус»

1973

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Кобо Абэ

Человек-ящик / Кобо Абэ — «Азбука-Аттикус»,
1973 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-14133-9

Кобо Абэ – знаменитый японский прозаик и драматург. Масштаб его таланта огромен, его книги загадочны, увлекательны и парадоксальны. Эти своеобразные романы-притчи повествуют о людях, находящихся под властью навязчивой идеи или оказавшихся в ситуации, похожей на фантастический сон. Герой романа «Человек-ящик», скрываясь от ненавистного ему общества, поместил себя в специальный ящик, превратившись тем самым как бы в новое существо. Он бесцельно бродит по улицам Токио, покрывая стенки своей добровольной тюрьмы описаниями внешнего мира, который, возможно, является лишь отражением его самых мрачных фантазий...

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-14133-9

© Кобо Абэ, 1973
© Азбука-Аттикус, 1973

Содержание

Что произошло со мной	6
Способ изготовления ящика	7
Что произошло с А.	9
Меры предосторожности – прежде всего	13
Несколько добавлений, касающихся вещественного доказательства – фотоснимка, приклеенного на обратной стороне обложки	18
Потом я дремал, просыпался и снова дремал	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Кобо Абэ

Человек-ящик

Kobo Abe
THE BOX MAN

© В. С. Гривнин (наследник), перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Вчера проведена операция по очистке Уэно от бродяг. Арестовано 180 человек.

Полицейское управление Уэно в Токио, готовясь к приближающейся зиме, а также принимая меры предосторожности в связи с делом № 109 – «зверские убийства с применением огнестрельного оружия», – в ночь на 23-е провело облаву на бродяг в парке Уэно, а также в подземном переходе вокзала Уэно. В районе здания Токийского культурного центра в парке Уэно, в подземном переходе и других местах было арестовано в общей сложности 180 человек, которым было предъявлено обвинение в нарушении закона о мелких правонарушениях (бродяжничество, попрошайничество), а также правил поведения в общественных местах (действия, запрещенные на улицах). Все арестованные были доставлены в ближайший полицейский участок, 4 человека, сказавшиеся больными, помещены в клинику, 9 человек – в дом престарелых. Остальные освобождены после того, как дали подписку о «прекращении бродяжничества». Однако уже через час почти все отпущенные снова вернулись на прежние места.

Что произошло со мной

Это невыдуманные записки о человеке-ящике.

Я начинаю писать их в ящике. В ящике из гофрированного картона, который надет на голову и доходит до пояса.

Одним словом, человек-ящик – я сам. Итак, человек-ящик, сидя в ящике, приступает к запискам о человеке-ящике.

Способ изготовления ящика

Материал:

Пустой ящик из гофрированного картона – 1 шт.

Кусок полиэтилена (полупрозрачного) – 50 × 50 см.

Клейкая лента (водоотталкивающая) – примерно 2 метра.

Проволока – примерно 2 метра.

Инструмент – перочинный нож.

Чтобы быть надлежащим образом одетым для улицы, необходимо, кроме того, запастись тремя кусками плотной ткани и парой резиновых сапог.

Пустой ящик из гофрированного картона должен быть метр в длину, метр в ширину и метр тридцать в высоту – тогда он подойдет любому. Лучше всего использовать стандартный ящик. Во-первых, его легко достать. Во-вторых, большинство товаров, для которых используются стандартные ящики, как правило, не имеют определенной формы, например пищевые продукты, и, чтобы продукты не деформировались, ящики для них делают достаточно прочными. В-третьих – и это самое главное, – отличить такой ящик от других практически невозможно. Действительно, насколько мне известно, почти все люди-ящики, точно сговорившись, используют именно такие ящики, – видимо, если ящик чем-то выделяется, это снижает анонимность его владельца.

В последнее время ящики из гофрированного картона, даже самые обычные, стали делать чрезвычайно прочными и обрабатывать водоотталкивающим составом – так что в сухой сезон выбирать ящик с особой придирчивостью нет необходимости. Кроме того, такой ящик хорошо вентилируется, он легкий и удобен. Тем, кто намерен пользоваться одним и тем же ящиком круглый год, и особенно в сезон дождей, я предлагаю «непромокаемый». Он обтянут полиэтиленом и обладает, как следует из названия, повышенной водонепроницаемостью. Снаружи поверхность у него глянцевая, точно покрыта слоем жира, и в нем, видимо, быстро накапливается статическое электричество, отчего он сразу покрывается слоем пыли, стенки же у него толстые и поэтому коробятся. Все это сразу бросается в глаза.

Прежде чем приступить к подготовке ящика, необходимо решить, где будет его верх, а где низ (можно исходить из того, где наклеена этикетка, или считать верхом наименее поврежденную сторону ящика – в общем, каждый решает это по своему усмотрению), и срезать нижнюю крышку. Если личных вещей много, можно не срезать ее, а завернуть внутрь и, закрепив по углам проволокой или клейкой лентой, использовать как полку. На стыках стенки лучше всего укрепить клейкой лентой (три шва сверху и один – сбоку).

Особого внимания требует смотровое окошко. Прежде всего нужно определить его размер и местоположение. Поскольку для каждого человека они будут различны, я ограничусь лишь тем, что приведу размеры, которые, на мой взгляд, можно считать оптимальными. Верхний край окошка должен находиться в 14 сантиметрах от верха ящика; нижний – в 28 сантиметрах, ширина окошка – 42 сантиметра. Эти цифры можно принять за исходные. Для того чтобы обеспечить устойчивость надетого на голову ящика, я привязываю к голове один журнал. Если учесть его толщину, линия, находящаяся в 14 сантиметрах от верха ящика, будет примерно на уровне бровей. Может показаться, что окошко в ящике расположено слишком низко, но дело в том, что в повседневной жизни человеку редко приходится смотреть вверх. Вниз же, наоборот, необходимо смотреть часто, и поэтому уровень нижнего края окошка имеет большое значение. Стоящий в полный рост человек должен видеть землю хотя бы на полтора метра перед собой – иначе трудно идти. Что касается ширины окошка, то здесь все предельно

просто – я заботился лишь о том, чтобы сохранить прочность ящика и избежать сквозняка. Поскольку дна в ящике нет, окошко должно быть как можно меньше.

Далее – как приделать к окошку шторку из полупрозрачного полиэтилена. Здесь тоже есть свой секрет. Лучше всего полиэтиленовую шторку укрепить клеейкой лентой у верхнего края окошка с внешней стороны, чтобы она свисала свободно, – нужно при этом не забыть предварительно разрезать полиэтилен пополам. Даже вообразить трудно, какую огромную службу сослужит эта маленькая уловка. Обе половины шторки должны быть одного размера и заходить одна на другую на 2–3 миллиметра. Если ящик находится в вертикальном положении, края шторки смыкаются и никто не может заглянуть внутрь. Если же ящик слегка наклонить, между двумя половинами шторки образуется щель, и это позволяет видеть, что делается снаружи. Простое, но в то же время чрезвычайно хитрое приспособление – вот почему нужно с особой внимательностью отнестись к выбору полиэтилена. Желательно, чтобы он был по возможности плотным и в то же время мягким. Дешевый полиэтилен, который при понижении температуры моментально дубеет, создает массу неудобств. Еще менее пригоден тонкий, непрочный полиэтилен. Плотность и эластичность полиэтилена должны быть такими, чтобы путем изменения угла наклона ящика можно было свободно регулировать ширину щели в шторке и в то же время не испытывать неудобств от малейшего ветерка. Для человека-ящика щель в полиэтиленовой шторке – это фактически выражение его глаз. Ни в коем случае ее нельзя приравнять к обычной дырке в заборе. Чуть увеличивая или уменьшая ширину щели, можно совершенно явственно выражать свое отношение к происходящему. Разумеется, не доброе. Это скорее мрачный, угрожающий взгляд. Можно без преувеличения сказать, что для незащищенного человека-ящика такой взгляд – одно из немногих средств самообороны. Хотел бы я встретить человека, который бы не дрогнул, глядя на меня.

В случае если приходится часто попадать в уличную толчею, неплохо проделать дыры и в боковых стенках ящика. Дыры, проткнутые толстой спицей, должны образовывать круг диаметром 15 сантиметров и располагаются на таком расстоянии друг от друга, чтобы не нарушить прочности картона. Это увеличит обзор и, кроме того, поможет определять направление звука. Дыры целесообразно проделывать изнутри, и тогда шероховатости, образовавшиеся снаружи, хотя внешний вид ящика от этого и проиграет, помешают дождю попадать внутрь.

И наконец, проволока – ее нужно разрезать на небольшие куски по 5, 10 и 15 сантиметров и, загнув концы в противоположные стороны, сделать из них крючки. Количество вещей нужно свести до минимума, но все-таки существуют совершенно необходимые предметы, которые всегда должны быть под рукой и без которых просто невозможно обойтись: транзистор, чашка, термос, карманный фонарь, полотенце, коробка для мелочей.

Объяснять необходимость резиновых сапог вряд ли нужно. Главное, чтобы они не были дырявые. Плотная ткань служит для того, чтобы, обмотав ее вокруг талии, заполнить пространство между телом и ящиком – тогда ящик будет сидеть плотнее. Если намотать ее, сложив в три слоя, и спереди сделать разрез, движению она мешать не будет. Не создаст неудобств и при естественных отправлениях.

Что произошло с А.

Сделать ящик несложно. На это не потребуется и часа. А вот чтобы надеть его и стать человеком-ящиком – для этого нужно немалое мужество. В тот миг как человек влезает в ничем не примечательный, обычный картонный ящик и выходит на улицу, исчезают и ящик и человек и появляется совершенно новое существо. Человек-ящик отравлен ядом злобы. В какой-то степени тем же ядом отравлены и мужчина-медведь, и женщина-змея, нарисованные на вывеске балагана. Но платой за вход яд, так или иначе, нейтрализуется. Яд же, которым отравлен человек-ящик, не так безобиден.

Видимо, ты стал таким еще прежде, чем до тебя дошли слухи о человеке-ящике. Да и необходимости в слухах обо мне не было. Дело в том, что я не единственный человек-ящик. Статистических данных, правда, не существует, но есть косвенные доказательства того, что в самых разных районах страны скрывается немало людей-ящиков.

Тем не менее я еще ни разу не слышал, чтобы человек-ящик становился предметом обсуждения. Все будто сговорились хранить молчание о людях-ящиках.

Хотя и видели их...

Хватит притворяться несведущим. Человека-ящика заметить нелегко – это верно. Он подобен груде мусора под пешеходным мостом, за общественной уборной или дорожным ограждением. Но не замечать и не видеть – совсем не одно и то же. Человек-ящик – явление не такое уж редкое, и поэтому может представиться сколько угодно случаев встретиться с ним. Да и ты, несомненно, видел его не раз. Но я также хорошо понимаю твоё нежелание признать это. Причем не ты один, встретившись с ним, прикидываешься, что не видишь его. И вряд ли тебе удастся не отвести инстинктивно глаза, даже если ты сделаешь это безо всякого умысла. Это неизбежно; когда глубокой ночью человек надевает темные очки или прикрывает лицо маской, значит он замышляет что-то дурное или же просто трусит – других объяснений я придумать не могу. Тем более это относится к человеку, целиком упрятавшему себя в ящик, – он выглядит подозрительно, и против этого нечего возразить.

Кто же, несмотря ни на что, все-таки хочет стать человеком-ящиком, что его на это толкает? Возможно, то, что я скажу, покажется неправдоподобным, но существует немало поводов, совершенно незначительных случаев, которые могут привести к этому. Повод может быть совсем неприметный, который на первый взгляд даже не воспринимается как повод. Вот что, например, произошло с А.

Однажды под окнами А. поселился человек-ящик. Как А. ни избегал смотреть на него, он все равно без конца попадался ему на глаза. Сколько А. ни старался его игнорировать, ему это так и не удалось. Скоро он почувствовал раздражение и растерянность, гнев и возмущение оттого, что кто-то посторонний незаконно вторгся в его владения. Но все же он решил выждать, ничего не предпринимая. Пусть это сделает вместо него болтливый мусорщик, каждое утро опорожняющий мусорные ящики. А. долго ждал, но никто не выказывал желания взяться за это дело. А. обратился было к управляющему домом – безрезультатно. Может быть, человек-ящик виден лишь из его квартиры, а людям, которым он не попадает на глаза, нет до него дела? Любой с готовностью прикинется, что не видит его.

В конце концов А. решил обратиться в полицию. Когда вышедший к нему полицейский, изобразив на лице озабоченность, предложил написать заявление о причиненном ущербе, А. впервые почувствовал нечто похожее на испуг.

«Послушайте, но вы же просто можете сказать ему, чтобы он убрался».

Это брошенное ему вслед ехидное замечание полицейского заставило А. наконец решиться. По дороге из полиции он зашел к приятелю и взял у него духовое ружье. Вернувшись

домой, он закурил, успокоился и, не таясь, высунулся из окна, из которого раньше выглядывал с опаской. Видимо, чисто случайно человек-ящик повернулся к нему той стороной, где было прорезано окошко. Их разделяло всего три-четыре метра. Как будто заметив растерянность А., человек-ящик слегка наклонился, полупрозрачная полиэтиленовая шторка, прикрывавшая окошко, следуя за наклоном, разошлась посередине, и из глубины ящика на А. внимательно посмотрели мутные белесые глаза. Кровь ударила А. в голову. Он распахнул окно. Вложил пулю в духовое ружье и стал прицеливаться.

Но куда же стрелять? С такого близкого расстояния можно попасть даже в глаз. А не вызовет ли это осложнений? Вполне достаточно просто дать ему понять – в другой раз не показывайся здесь! Какое положение занял человек в своем ящике? Пока А. пытался представить себе очертания его тела, палец, напряженно замерший на спусковом крючке, начал дрожать. Лучше всего, если его угроза заставит человека-ящика уйти, и тогда вообще стрелять не придется. Совсем не хочется проливать кровь, даже каплю крови. Но пусть не заставляет ждать до бесконечности. А вдруг он догадался, что это пустая угроза? Но отступать теперь уже поздно. Нервы сдавали, и А. решил подождать еще немного. Снова поднялась злость. Время перекалилось и вспыхнуло. Он нажал на спусковой крючок. Ружье, а за ним и ящик издали звук, словно по мокрым брюкам провели зонтом.

В ту же секунду ящик резко дернулся вверх. Как бы ни старались сделать ящик как можно более прочным – гофрированный картон всего лишь картон. И хотя он успешно выдерживает давление, когда оно равномерно распределяется по всей поверхности, против точечного удара он устоять не может. Значит, свинцовая пуля впилась в тело человека. Но ни вопля, ни даже стоны, как ожидал А., не последовало. В ящике, который, дернувшись, снова замер, можно было уловить лишь до ужаса тихое, неприметное движение. А. растерялся. Целился он на несколько сантиметров левее и ниже линии, соединяющей правый верхний и левый нижний углы окошка. Видимо, он попал в правое плечо. Но может быть, он вообще промахнулся? И виной тому – его обычная нерешительность. Нет, реакция была слишком уж явной. На ум пришла ужасная мысль. Совсем не обязательно, чтобы человек-ящик находился в нем лицом к А. Невозможно определить и его позу, так как нижняя часть туловища обернута плотной материей. Не исключено, что он сидел, скрестив ноги. Тогда могло произойти худшее – пуля, лишь задев плечо, попала в сонную артерию.

Рот А. напрягся до онемения. Ощущение, будто бежишь во сне. С надеждой он ждет следующего движения. Не двигается... нет, двигается... в самом деле двигается. Не как секундная стрелка, но быстрее, чем минутная. Ящик наклоняется все больше и больше. Неужели он вот так и упадет? Шуршание, точно растирают сухую глину. Человек-ящик неожиданно встает. Какой он, оказывается, высокий. Звук, точно от удара по мокрой брезентовой палатке. Медленно поворачивается, тихо кашляет и выпрямляется. Идет, слегка раскачивая ящик вправо и влево. Кажется, он немного наклонился вперед – наверно, просто пригнулся от страха. Уходя, как будто что-то пробормотал, но расслышать не удалось. Пройдя вдоль дома, он вышел на улицу и, свернув за угол, исчез. У А. остался неприятный осадок оттого, что ему не удалось увидеть, какое выражение лица было у человека-ящика.

Может быть, от волнения А. показалось, что земля на том месте, откуда ушел человек-ящик, чернее, чем вокруг. Пять затоптанных окурков. Пустая бутылка, заткнутая бумажной пробкой. В бутылке – два огромных паука. Один, по-видимому, мертвый. Смятая обертка от шоколада. И тут же три в ряд темных пятна величиной с ноготь большого пальца. Неужели кровь? Нет, вероятно, слюна. Точно извиняющийся фальшивый смешок. Во всяком случае, цель достигнута.

Через полмесяца А. начал забывать о человеке-ящике. Но все еще не избавился от недавно приобретенных привычек: отправляясь на работу, из-за безотчетной тревоги он перестал проходить узким переулком – ближайшей дорогой до станции; каждый раз, вставая утром

с постели или вернувшись домой, сразу же подходил к окну и выглядывал наружу. И если бы он не вздумал купить новый холодильник, когда-нибудь его жизнь непременно вошла бы в прежнюю колею...

Купить новый холодильник с морозильной камерой – что в этом особенного, но холодильник был упакован в ящик из гофрированного картона. Причем подходящего размера. Как только из ящика было вынуто содержимое, сразу же всплыло воспоминание о человеке-ящике. Раздался щелчок, точно удар хлыста. Будто из прошлого двухнедельной давности возвратилась пуля духового ружья. А. опешил и твердо решил выбросить ящик. Но вместо этого стал усердно мыть руки, сморкаться, полоскать рот. Видимо, возвратившаяся пуля влетела в черепную коробку и все там перевернула. Опасливо озираясь, А. задернул на окнах шторы и робко влез в ящик.

В ящике было темно и приятно пахло водоотталкивающей пропиткой. Почему-то сидеть в нем было очень уютно. Неуловимое воспоминание, – кажется, вот-вот ухватишь его. Хотелось сидеть в ящике до бесконечности. Но очень скоро А. опомнился и вылез наружу. Чувствуя, что ящик влечет его все настойчивее, он решил покончить с ним, но чуть позже.

На следующий день, вернувшись с работы, А., натянуто улыбаясь, прорезал в ящике окошко и, как тот человек-ящик, надел его на себя. Но тут же сбросил – нет, здесь не до смеха! Он и сам как следует не понял, что произошло. Но бешеное сердцебиение предвещало какую-то опасность. Сердито, но осторожно, чтобы не испортить ящик, он пинком загнал его в угол комнаты.

Третий день. А. немного успокоился и через окошко в ящике стал осматривать комнату. И уже не мог вспомнить, что именно так напугало его в тот вечер. Он почувствовал, что в нем произошла какая-то перемена. Но эта перемена лишь порадовала его. Все вокруг лишилось острых углов и кажется гладким и округлым. Привычные и на первый взгляд такие безобидные пятна на стене... Сваленные в беспорядке старые журналы... переносной телевизор с погнутой антенной... на нем пустая банка из-под мясных консервов, доверху набитая окурками... – он впервые заметил, что все эти предметы представлялись ему раньше покрытыми острыми шипами, заставляли его бессознательно испытывать напряжение. Видимо, нужно перестать относиться к ящику с предубеждением.

На следующий день А. уже смотрел телевизор, надев на себя ящик.

Начиная с пятого дня он все время, когда бывал дома, почти безвылазно находился в ящике, снимая его, только чтобы поесть и справить нужду. И спал он пока что не в ящике. Он испытывал лишь некоторое смущение, но отнюдь не чувствовал, что совершает нечто из ряда вон выходящее. Более того, все, что он делал, представлялось ему естественным и приятным. Даже одиночество, прежде мучительное, казалось ему теперь счастьем.

Шестой день. Первое воскресенье. Он никого не ждет и сам не собирается выходить из дому. С утра он уже в ящике. Он спокоен, умиротворен, но чего-то ему недостает. Во второй половине дня он наконец понимает, что ему нужно. Выходит на улицу и поспешно делает покупки. Ночной горшок, карманный фонарь, термос, корзина для пикника, клейкая лента, проволока, ручное зеркальце, фломастеры семи цветов, всякая еда, готовая к употреблению. Возвратившись домой, он подготовил ящик с помощью клейкой ленты и проволоки и укрылся в нем, взяв с собой остальные покупки. Он обеспечил себя всем необходимым – и едой, и вещами. На внутренней стенке ящика (слева, если стоять лицом к окошку) А. повесил ручное зеркальце и при свете карманного фонаря зеленым фломастером нарисовал губы. Потом всеми семью цветами радуги, начиная с красного, нарисовал вокруг глаз широкие круги. Теперь он потерял сходство с человеком и напоминал скорее рыбу или птицу. А лицо его стало похоже на спортивную площадку, какой она видится с вертолета. И на ней – его маленькая, убегающая стрелглав фигурка. Лучшей раскраски лица, которая бы так подходила для ящика, не

придумать. Наконец-то он почувствовал, что сроднился с тем, что уже стало его неотъемлемой частью. И впервые заснул в ящике, привалившись к стенке.

На следующее утро (прошла ровно неделя) А., надев на себя ящик, вышел на улицу. И домой больше не вернулся.

Если А. и можно было в чем-то упрекнуть, то лишь в том, что он чуть острее, чем другие, представлял себе сущность человека-ящика. Я не вправе издеваться над ним. Кто хоть раз нарисует в своем воображении безымянный город, существующий лишь для безымянных жителей, – двери домов в этом городе, если их вообще можно назвать дверьми, широко распахнуты для всех, любой человек – твой друг, и нет нужды всегда быть начеку: ходи на голове, спи на тротуаре – никто тебя не осудит; можешь спокойно окликнуть незнакомого человека, хочешь похвастаться своим пением – пой где угодно и сколько угодно, а кончив петь, всегда сможешь смешаться с безымянной толпой на улице – кто хоть однажды мечтал об этом, того подстерегает та же опасность, с которой не совладал А.

Поэтому обращать ружье против человека-ящика по меньшей мере опрометчиво.

Меры предосторожности – прежде всего

Возможно, я повторяюсь – теперь я человек-ящик. И здесь мне бы хотелось коротко рассказать о себе.

Сейчас я пишу эти записки, укрывшись от дождя на берегу канала под мостом, по которому проходит автострада. Не особенно точные часы показывают девять пятнадцать или девять шестнадцать. Дождь льет с самого утра, и черное вечернее небо волочит свой подол почти по самой земле. Насколько хватает глаз, тянутся склады рыбацкого кооператива, склады пиломатериалов. Ни одного дома вокруг, ни живой души. Не доходит сюда и свет фар проносящихся по мосту машин. Мне светит лишь карманный фонарь, свисающий с потолка ящика. Может быть, поэтому написанные шариковой ручкой иероглифы, которые, как я знаю, должны быть зелеными, кажутся почти черными.

Дождь на побережье пахнет псиной. Мелкий дождь моросит со всех сторон, точно его разбрызгивают из пульверизатора, и поэтому мост, под которым я укрылся, совершенно не спасает от дождя. Фермы моста слишком высоки. Это место не подходит не только для того, чтобы спастись от дождя. Находиться в такое время в таком месте – совершенно противопоказано человеку-ящику. Одно то, что я сейчас пользуюсь карманным фонарем, – безумная расточительность. Бездомные люди вроде меня довольствуются тем, что удастся подобрать на улице, а чего не подобрали, без того обходятся, но неиспользованные батарейки, разумеется, на улице не валяются. Непозволительная роскошь – жечь карманный фонарь только для того, чтобы писать какие-то записки. В последнее время и уличных фонарей стало больше, и светят они лучше, и лампочки в них ярче. Устроившись под фонарем, вполне можно даже газету читать.

И вот в таком неподходящем для человека-ящика месте я почему-то сижу уже больше двух часов. Но сначала нужно объяснить, как я попал сюда. Правда, сколько бы я ни старался, вряд ли мне удастся тебя убедить. Ты просто мне не поверишь. Но даже если и не поверишь, от фактов никуда не уйти. Дело в том, что мой ящик продан. Я нашел покупателя, который дает за него огромные деньги – пятьдесят тысяч иен. И вот теперь, ради этой сделки, я сижу здесь, поджидая покупателя. Ты не веришь в это, да и сам я наполовину верю, наполовину сомневаюсь. Неправдоподобная история, правда? Трудно представить себе, чем руководствуется человек, которому настолько захотелось заполучить этот истертый картонный ящик, что он готов выложить такие деньги.

Почему же я, не веря в это, принял предложение? Причина проста. Не было повода для сомнений – вот в чем дело. Так бывает, когда останавливаешься, заметив на обочине блестящий предмет. Мой покупатель блеснул, как осколок пивной бутылки, на который упал луч вечернего солнца. И хотя понимаешь, что осколок не представляет никакой ценности, все равно преломляющийся в стекле луч света придает ему удивительную прелесть. Вдруг начинает казаться, что проник взглядом в другое измерение. Ее ноги – они были особенно прекрасны – изящные и прямые, как уходящие вдаль рельсы, когда смотришь на них, стоя на холме. Легкая юная походка, которой можно любоваться бесконечно, как бездонным прозрачным небом. Не было повода верить, но в то же время не было и повода для сомнений. Видимо, ее ноги потрясли меня.

Теперь я, конечно, раскаиваюсь. Хотя лучше, пожалуй, сказать так: я духовно раздавлен предчувствием того, что мне придется пережить боль раскаяния. Жалкое состояние. С какой стороны ни посмотришь, мое поведение совсем не свойственно человеку-ящику. Меня как бы лишили основной его привилегии. У меня, естественно, есть надежда, но надежда настолько неосязаемая, что ее не в состоянии обнаружить даже самый чувствительный анализатор. Неужели с моим ящиком начинают происходить какие-то перемены? Не исключено.

Действительно, мне кажется, что, с тех пор как я забрел в этот город, ящик стал легкоранимым, хрупким. Этот город и в самом деле недоброжелателен ко мне.

Я, конечно, выбрал это место отчасти по ее указанию, но намекнул о его существовании все же я сам. Опасность, грозящая мне, должна одновременно угрожать и ей. У моста стоит высеченный из камня покровитель детей и путников Дзидзо в красном фланелевом фартучке, – его, наверно, поставили в память об утонувшем ребенке. Чуть выше по течению, у каменных ступеней, спускающихся к пристани, огромный, видимо недавно появившийся здесь щит, на котором белой краской написано: здесь купаться запрещено. Хорошо еще, что полиэтиленовая шторка на окошке от дождя намокла и уже не напоминает покрытое изморозью стекло – она стала совершенно прозрачной, и через нее все хорошо видно. Ограждающая канал бетонная дамба пересекает окошко точно наискосок. Мертвенно-бледный прожектор стоящего у пристани грузового пароходика, который дрожит мелкой дрожью, борясь с готовым сорвать его мощным течением, тускло освещает пешеходную дорожку вдоль дамбы, и если кто-нибудь появится на ней, то сразу же бросится в глаза, как чернильное пятно на светлом платье.

Вон там дамбу пересекает кошка. Бездомная кошка, грязная и взлохмаченная. Видимо, должна скоро окотиться – раздулась, как икраяная селедка. Уши разодраны – в драках, наверно. Даже такие мелочи подмечаю, хотя все время пишу не отрываясь, значит нервы у меня в порядке. Если она собирается нагрянуть сюда неожиданно, вряд ли это ей удастся.

Разумеется, лучше всего, если она, как мы и договаривались, придет одна. Но остается еще много неясностей. Пятьдесят тысяч за ящик – этого я никак не могу взять в толк. Неестественно и то, что она согласилась совершить сделку в таком месте. Нет повода верить, но нет повода и сомневаться. Нет повода сомневаться, но нет повода и верить. Тонкая шея, бледная, чуть ли не прозрачная. Во всяком случае, осторожность никогда не помешает. В этом мое единственное спасение. Если же случится непредвиденное, останутся вещественные доказательства – эти записки. Смерть бывает разная – одно могу сказать. У меня и в мыслях нет покончить жизнь самоубийством. И если я умру, это будет не самоубийством – даже если моя смерть будет напоминать самоубийство, – а убийством. Как бы я ни отвергал людей, как бы ни старался укрыться от них в ящике, не надо забывать, что человек-ящик от...

(Фраза оборвана из-за того, что кончилась паста. Прошло две с половиной минуты, пока я отыскал в коробке для мелочей огрызок карандаша и очинил его. К счастью, меня еще не убили. Доказательством может служить то, что, хотя я и заменил шариковую ручку карандашом, почерк остался прежним.)

Да, но какое слово я начал писать? Я остановился на «от...». Возможно, я собирался написать: «...человек-ящик отличается от простого бродяги». Правда, люди не в состоянии провести между ними четкую грань, как это способен сделать сам человек-ящик. Действительно, между ними немало общего. Например, у них нет документов, они нигде не работают; не имеют определенного места жительства, неизвестны их имя и возраст, у них нет определенного времени и места для еды и сна. Затем... да, не стригутся, не чистят зубы, редко ходят в баню, на жизнь им почти совсем не нужны деньги, и так далее, и так далее...

Однако нищие и бродяги прекрасно сознают свое отличие от человека-ящика. Сколько раз они наводили меня на горькие размышления. Если представится случай, я еще напишу об этом, – так вот, особенно враждебны ко мне самые убогие нищие. Стоило мне приблизиться к району, где они обосновались, как я сталкивался не с безразличием, а, наоборот, со слишком явной неприязнью с их стороны. Они встречали меня еще более враждебно, поливали еще более отвратительной бранью, чем люди, которые имеют свой дом и живут на честно заработанные деньги. В общем, я еще ни разу не слышал, чтобы нищий стал человеком-ящиком. Правда, и человек-ящик не захочет составить компанию нищему – в общем, мы друг друга

стоим. Поэтому не следует смотреть на нищих сверху вниз. Как это ни странно, даже нищие учитываются при определении числа жителей города, и поэтому стать человеком-ящиком означает для них опуститься ниже уровня нищего.

Хроническая болезнь человека-ящика – паралич подвластного сердцу чувства направления. В такие минуты ему кажется, что земная ось отклонилась, и это вызывает у него тошноту, как при морской болезни. Не знаю почему, но только это не имеет ничего общего с ощущениями обычного неудачника. Я еще ни разу не стыдился своего ящика. Мне даже кажется, что ящик для меня не тупик, в который я в конце концов забрел, а широко распахнутая дверь в иной мир. Не знаю в какой, но в совсем иной мир... убеждаю я себя, а сам с трудом борюсь с тошнотой, наблюдая через окошко, что происходит снаружи, и этот иной мир видится мне все тем же тупиком. Ну ладно, хватит паниковать. Я хочу, чтобы предельно ясно стало одно – у меня еще нет никакого желания умирать.

Что-то она опаздывает. Неужели нарушит свое обещание? Осталось семь спичек. До чего противно курить отсыревшую сигарету.

Обещание?..

Запью его глотком виски. Мало осталось – меньше трети бутылки.

А, все равно. Если и обманула, что тут удивительного? Наоборот, я бы удивился, если б она появилась, как обещала. Я боюсь только одного: вдруг она не обманула меня, но придет не сама. У меня предчувствие, что так и случится. Вместо себя она пришлет кого-нибудь другого. Я, в общем, догадываюсь, кто может быть этим другим. В конце концов, эти подлецы стоворились: она сыграет роль приманки, завлечет меня сюда, и здесь, под мостом, он расправится со мной. Поскольку я идеальная «жертва» (и это вполне естественно – человек-ящик равнозначен чему-то несуществующему, и поэтому убийство его не будет считаться убийством), «убийцей» автоматически становится противная сторона. Но события совсем не обязательно должны развиваться в соответствии с этим моим предположением. Я и сам готов встретить его во всеоружии. Мокрый склон достаточно крутой, и скатиться по нему ничего не стоит. Правда, не исключено, что он сильнее меня. А может быть, в противоположность тому, что я сейчас испытываю, в глубине души мне просто не хочется умирать?

В общем, для убийства лучшего времени и места не найти. А о стремительности морских приливов у этого берега и говорить нечего. Старый, неуклюжий, словно разжиревший мост, словно обруч, стягивает самую узкую часть воронкообразного устья канала, вспухающего во время приливов. Чтобы под ним могли проходить суда, средняя часть моста изогнута круто, как лук, и поэтому фермы даже у самого основания необычайно высокие. Правда, человеку-ящику, путешествующему, как улитка, вместе со своим водонепроницаемым домом, нечего особенно беспокоиться о таком пустяке, как высокие фермы моста или косой дождь. Но разве можно считать недостатком ящика то, что в нем, в отличие от настоящего дома, нет пола? Когда льет дождь, да еще поднимается ветер, спастись от непогоды в ящике все равно невозможно. Следовательно, если вдуматься, именно отсутствие пола и позволяет, не обращая никакого внимания на сырость, обосноваться у самого берега моря, все время переходя с места на место. Когда к приливу прибавляется еще и дождь и уровень воды неожиданно резко повышается, можно выбрать другое место – нужно лишь следить, чтобы вода не залилась в резиновые сапоги. В этом свобода и легкость – непонятные тому, кто сам не испытал подобной жизни. Не беда, прилив скоро кончится. И нечего опасаться, что уровень воды поднимется выше, чем сейчас. Черный пояс гниющих в лужах мазута водорослей, тянущийся вдоль дамбы, точно по линейке делит пейзаж на две части – верх и низ.

Наползают со всех сторон черные волны, гася легкую рябь на воде. Беспорядочно возникавшие у опор моста огромные и совсем крохотные водовороты, грязные, точно в них распустили неочищенную патоку, начинают постепенно принимать правильную форму. Здесь не особенно глубоко, но все равно остатки деревянных ящиков, плетеных бамбуковых корзин для

рыбы и пластмассовых ведер опасно приближаются к водовороту и, неожиданно захваченные им, начинают бешено вращаться, а потом вдруг теряют скорость и втягиваются в воронку.

Да, в самом крайнем случае присоединю эту тетрадь к остаткам ящиков и корзин. Если на дамбе появится кто-то другой, я вложу свои записки в полиэтиленовый пакет, надую его, зажму верхнюю часть, сложу вдвое и несколько раз перевяжу тонкой проволокой. Это займет двадцать две – двадцать три секунды. Затем поверх проволоки намотаю красную клейкую ленту и оставлю длинный конец, чтобы сразу бросался в глаза. К ленте бумажной веревкой привяжу большой камень. Это секунд пять. Вся работа займет секунд тридцать. В общем, сколько бы я ни мешкал, больше минуты мне вряд ли потребуется. А ему, чтобы сойти по лестнице, ведущей к пристани, спуститься по выложенному каменными плитами склону, на котором легко поскользнуться, и подойти ко мне, даже если он будет очень спешить, потребуется по меньшей мере две-три минуты. В общем, я могу не бояться, что опоздаю. Если его поведение покажется мне хоть чуть подозрительным, я сразу же брошу пакет в канал. Привязанный камень позволит закинуть его достаточно далеко. И до пакета ему ни за что не дотянуться. Пакет прямым ходом попадет в водоворот. Предположим, он окажется прекрасным пловцом и бросится в воду – разве ему угнаться за пакетом? Нет, если он прекрасный пловец, то тем более не станет заниматься таким бессмысленным делом. Примерно в течение часа после начала отлива кататься на лодках здесь тоже запрещено. Может быть, он и не читал, что написано на том щите, но все равно ему должно быть прекрасно известно, как опасны водовороты. Если пакет с записками, оказавшись у водоворота, все же не будет втянут в него, его точно пружиной выбросит в открытое море, и он пойдет ко дну. Через сколько-то часов или сколько-то дней бумажная веревка расплзется, и надутый воздухом пакет освободится от камня. Подхваченный приливом, он будет легко носиться по волнам недалеко от берега, пока кто-нибудь не заметит красную ленту.

Но предположим – прямо сейчас, в эту самую минуту, он появится... дает ли то, что до сих пор написано мной, основание утверждать, что преступник – именно он? Вряд ли. Назови я на этих страницах даже его имя – все равно никто не поверит. Если я недостаточно вразумительно объясню, что его к этому побудило, достоверность моих записок значительно уменьшится. Они станут похожи на выдумку. Но мне тоже палец в рот не клади. В правом верхнем углу, на обратной стороне обложки, клейкой бумажной лентой прикреплена черно-белая фотография. Возможно, на ней не все вышло четко, но тем не менее она сможет послужить неопровержимым доказательством. Фигура мужчины средних лет, который убегает, прижав к боку духовое ружье, повернутое дулом вниз. Если увеличить снимок, человека удастся рассмотреть детально. Одет небрежно, хотя костюм хороший. Однако брюки мятые. Толстые и крепкие, но вместе с тем не привыкшие к тяжелой работе пальцы с тщательно подстриженными ногтями. И что прежде всего бросается в глаза – туфли. Туфли без задников, неглубокие, вырезанные по бокам. Видимо, работа у него такая, что приходится постоянно снимать и надевать их.

Если только подобравший эту тетрадь захочет, она может превратиться для него в состояние.

О, водовороты начали наливать, точно мускулы. Прохожие не исчезли – просто нет никакой нужды обращать внимание на их взгляды. По мосту, как раз надо мной, грохоча на стыках между толстыми железобетонными плитами и сопровождая гроыхание беспрерывными гудками, проносятся огромные машины, тяжело груженные мороженой рыбой или досками, – поглощенные собственным ревом, они напоминают слепых зверей. Идеальное место не только чтобы избавиться от трупа, но и для расправы с живым человеком. Идеальное место, чтобы убить, и в то же время идеальное место, чтобы быть убитым.

Грифель стерся. Хватит, пора и честь знать. Придет она наконец или, может быть, она вообще не собирается приходить?

(Этим тупым ножом и карандаша как следует не очинишь. Завтра, если только останусь жив, нужно обязательно достать пару шариковых ручек, не забыть бы. В тех, что я подбираю у ворот школы, бывает еще много пасты.)

Несколько добавлений, касающихся вещественного доказательства – фотоснимка, приклеенного на обратной стороне обложки

Время фотографирования: вечер, примерно неделю или десять дней назад (паралич чувства времени – тоже одна из хронических болезней человека-ящика).

Место фотографирования: конец упирающегося в косогор длинного черного забора соевого завода. (Тень от этого забора по диагонали перерезает человека на фотоснимке.)

Я как раз мочился. Вдруг раздался резкий щелчок. Он напоминал стук бьющих по ящику камушков, вылетающих из-под колес грузовика. (Часто ночуя на обочине, я слышал его неоднократно.) Но, не говоря уж о грузовиках, даже малолитражка и та не проехала. И в ту же минуту я почувствовал в левом плече острую боль, похожую на ту, которую испытываешь, когда больным зубом надкусишь кусочек льда, и перестал мочиться. Посмотрев в дырки, проделанные в боковой стенке ящика, я увидел, что в конце заводской ограды, где начинается косогор, а асфальтированная дорога обрывается и переходит в грунтовую, на том самом месте, где дорога поворачивает, огибая картофельное поле у птицефермы, широко раскинула ветви старая шелковица (часть ее можно увидеть в левом углу кадра). За ней прячется, наклонившись, мужчина (в позе человека, готового бежать). Он отводит от плеча и прижимает к боку какую-то палку примерно с метр длиной, и как раз в этот момент на палку упал луч вечернего солнца и она сверкнула металлическим блеском. Я мгновенно понял, что это духовое ружье. И сразу же схватился за фотоаппарат. (Должен признаться, что, прежде чем стать человеком-ящиком, я был фоторепортером. В человека-ящика я превращался постепенно, продолжая заниматься своей работой, поэтому у меня еще сохранился самый необходимый минимум фотоаппаратуры.) Повернув ящик другой стороной, я сделал три снимка подряд (навести на резкость времени уже не было, но, так как я поставил выдержку 1/250 секунды и фокусное расстояние – 11, изображение оказалось резким). Мужчина двумя прыжками пересек дорогу и пропал из моего поля зрения.

Если как следует рассмотреть фотоснимок, он может в какой-то степени подтвердить факты, о которых я говорил до сих пор. Но то, о чем я буду говорить дальше, доказательством служить не может. И мне остается лишь надеяться, что ты или тот, кто подберет эти записки, поверив моему свидетельству, подтвердите мои слова.

Первые предположения об истинном облике стрелявшего. Предлагаю обратиться к главе «Что произошло с А.». В случае, если существование человека-ящика соблазнило кого-то и тому тоже захотелось стать человеком-ящиком, проявление этого желания в такой сверхагрессивной форме, как стрельба из духового ружья, следует, видимо, рассматривать как общую тенденцию. Вот почему я не стал звать на помощь, не бросился в погоню за стрелявшим. Наоборот, я испытал к нему даже родственное чувство, понимая, что ряды жаждущих стать человеком-ящиком пополняются. Боль ушла, и теперь я испытывал в плече сильное жжение. Стрелявшему – вот кому еще много раз придется испытывать боль. И нет никакой необходимости усугублять ее погоней.

Глядя на безлюдную, круто уходящую вверх дорогу, теперь, когда мужчина со своим духовым ружьем исчез, я почувствовал, что из меня сочится влага, как из испорченного водопроводного крана. Отвратительный сладкий запах от соевого завода, напоминающий запах жженого сахара, словно напильником, сглаживал острые края резких теней, рожденных вечер-

ним солнцем. Где-то вдалеке монотонный звук пилы. А еще дальше – бодрый треск мотоцикла. Но проходит две секунды, три секунды – ни живой души. Неужели все здешние жители, точно черви, зарылись в землю? Безмятежный пейзаж, словно специально созданный для того, чтобы призывать к человеколюбию. Но от внимательного взгляда человека-ящика ничто не ускользнет. Глядя из ящика, можно рассмотреть и ложь, и злой умысел, укрывшиеся в невидимой части пейзажа. Пейзаж пытается привести меня в замешательство, заставить капитулировать – это его тайная цель, но меня не проведешь. Для человека-ящика больше подходят привокзальный район или кишачие людьми торговые улицы. Но он любит и пейзаж, чистосердечно выдающий свои три-четыре улочки за таинственный лабиринт, жить в таком месте – одно наслаждение. Вот чем плохи маленькие провинциальные городишки. Слишком много выставленных, словно напоказ, «единственных» дорог. Мной овладевает чувство жалости, когда я представляю себе смятение человека с духовым ружьем, который бежит по «единственной» дороге, не зная, где бы ему укрыться.

Рука, зажимавшая рану, вся в крови. Меня вдруг охватывает беспокойство. В каком-нибудь людном месте в Токио – еще куда ни шло, но на этой, такой благополучной улице в городе Т. вряд ли потерпят появление еще одного человека-ящика. Если он во что бы то ни стало хочет стать человеком-ящиком, волей-неволей придется избавиться от меня. Стоит ему узнать, что с помощью духового ружья ему не удалось от меня отделаться, и он, возможно, притащит охотничье. Может быть, я должен был реагировать по-другому? Честно говоря, люди, такие же, как он, много раз пытались установить со мной контакт. Однажды меня даже окликнули. Но всякий раз я лишь молча смотрел на них через щель в полиэтиленовой шторке. И они терялись. Даже полицейские и те трусливо поджимали хвост. Возможно, еще до того, как я вынудил его схватиться за духовое ружье, мне следовало поговорить с ним?

В связи с появлением нового персонажа мои предположения меняются. Этот новый персонаж приехал на велосипеде. Неожиданно кто-то окликнул меня сзади, когда мое внимание было поглощено псевдоединственной дорогой. «Там, на горе, есть клиника», – белые пальцы коснулись окошка, и в ящик упали три бумажки по тысяче иен. Когда я повернулся, подумав сначала, что мой ящик использовали как почтовый, фигура, которую я увидел со спины, была уже метрах в десяти. На вид совсем молодая девушка – ей никак не подходит этот низкий, хриловатый голос. Не успел я навести фотоаппарат, как она свернула в первый же переулочек и скрылась. Я видел ее всего лишь несколько секунд, но движения ее ног, крутивших педали, очень взволновали меня. Тонкие, но не слишком, легкие и в то же время хорошо развитые ноги. Шелковистая кожа на сгибе под коленями, напоминающая внутренность двустворчатой раковины. Вся она была какая-то сияющая, и я даже не помню, что на ней было надето. Все-таки я не могу сказать, что был полностью обезоружен и подчинен ей. И если бы к вечеру рана на плече не разболелась, я бы ни за что не пошел в клинику на горе и никогда бы и не узнал, что стрелявший в меня мужчина (тот, которого я сфотографировал) на самом деле врач этой клиники, а девушка на велосипеде – медицинская сестра. Конечно, не следовало допускать, чтобы меня втянули в эту глупейшую историю – заставили в таком опасном месте, под мостом ждать ее (или того, кого она пришлет вместо себя).

Но единственное, что я сделал, – сунул в рот сигарету. Я вновь и вновь пересчитывал свои три тысячи, а потом, сложив их втрое, опустил за голенище резинового сапога. Птица в неволе отказывается от пищи и умирает с голоду. Но приговоренный к смертной казни с наслаждением затягивается своей последней сигаретой. Не будучи птицей, я тоже с удовольствием поднес к сигарете огонь – вряд ли эти двое связаны между собой. Мужчина с духовым ружьем – сам по себе, девушка – сама по себе. А ее поспешное бегство объясняется лишь тем, что она стыдится своей благотворительности...

Однако палач не будет ждать до бесконечности, пока приговоренный курит сигарету за сигаретой. Время казни неотвратимо приближается. На рассвете боль в плече от нагноившейся раны скрутила меня, будто я оказался втиснутым в слишком узкий резиновый мешок. Я вылез из ящика и отправился в клинику на горе. Меня уже поджидали там велосипедистка со шприцем и стрелявший мужчина со скальпелем. Я несколько не удивился, словно с самого начала был к этому готов.

Я проснулся в кровати, – на меня, источая запах витаминов и креозота, смотрела велосипедистка. В белом халате, какой носят медицинские сестры, она способна была остановить время. Если же время остановится, то, естественно, нарушатся причинно-следственные связи, и тогда можно, не опасаясь, что тебя осудят, совершить самый бесстыдный поступок. К сожалению, я не дошел до того, чтобы совершить бесстыдный поступок, хотя и чувствовал себя свободным настолько, что смог забыть о том, что вылез из ящика и выставил свое лицо на всеобщее обозрение. Она с улыбкой кивала, слушая небылицы, которые я рассказывал о себе, ее улыбка, точно вырезанная в затвердевшем воздухе и окрашенная солнечной кистью, была удивительно привлекательна и в то же время беззащитна, и мне вдруг почудилось, будто она признается мне в любви. Улыбающееся лицо, заставлявшее забыть о том, что халат слишком длинный и ног ее почти не видно. Я захлопал крыльями, как неопытный птенец (неумело, суетливо, но в то же время неистово). Поток воздуха наконец подхватил меня, и я взлетел – пьяный от освежающего ветерка ее улыбки, и подумал, что теперь, пожалуй, нет нужды возвращаться в ящик. Потом в какой-то момент, сам не знаю, как это произошло, я опрометчиво пообещал купить для нее ящик за пятьдесят тысяч иен (я изо всех сил убеждал ее, что можно и даром), поскольку немного знаком с одним человеком-ящиком (что вполне естественно). Как я теперь понимаю, нужно было сразу же выяснить, что она собирается делать с ним. Но тогда ее улыбка обезоружила меня. Я даже подумал, что было бы глупо слишком много времени тратить на разговоры о ящике.

В тот момент, когда я покинул клинику, безвозвратно исчезла и ее улыбка. Укрывшись в ящике, я вернулся к себе под мост, пустой желудок дугой выгнул мое тело, и меня долго и тяжело рвало. Может быть, без моего ведома меня накачали наркотиками. Наконец я все же понял, что попал в ловушку, но почему-то возненавидеть велосипедистку так и не смог.

(Здесь сделана небольшая приписка на полях. Ни почерком, естественно, ни даже цветом чернил она не отличается от основного текста.)

«Я говорю о каком-то нищем, надевшем на себя ящик...»

«Знаю, конечно. Я же фоторепортер. Фоторепортер-соглядатай. Чья специальность – везде, где только можно, проделывать дырки, чтобы подглядывать. У такого нет никаких моральных устоев».

«Старый ящик из гофрированного картона...»

«Чего доброго, он еще окажется моим товарищем. Видимо, я ошибся. Но все же нельзя сказать, что совсем ошибся. Он тоже фоторепортер, и однажды по какому-то совершенно непонятному побуждению... сам не зная, как это произошло, щелкнул затвором... Так он сфотографировал человека-ящика. Его это заинтересовало, и он стал повсюду гоняться за ним, но второй раз встретить его не удалось. Зато ему понравилось фотографировать улицы. Причем скрытую от глаз оборотную сторону улицы, ненавидящую, когда ее разглядывают... Поскольку он фотографировал такие места, которые ненавидят, когда на них смотрят, ему приходилось делать это тайно, чтобы никто не заметил. И вдруг его осенила мысль. А что, если надеть на себя ящик, притвориться человеком-ящиком и спокойно фотографировать все, что пожелаешь? Он будет видеть всех, его – никто, и все пойдет превосходно. Действительно, сначала все шло как будто превосходно. Он стал подобием человека-ящика и начал с упоением фотогра-

фировать улицы. Однако, когда товарищи стали судачить о нем, он исчез. Просто не вернулся к себе домой. По слухам, именно он стал настоящим человеком-ящиком».

«А мне все равно, пусть на меня смотрят...»

«Но ведь когда смотрят, будто ножом вырезают твой облик, кажется, что срывают одежду...»

«Я как-то позировала одному фотографу, давно, правда».

«Я говорю серьезно, я готов сделать для тебя все, что в моих силах. Но я бессилен. Досадно, но я способен только на то, чтобы смотреть в видоискатель и щелкать затвором.

Могу еще купать в проявителе твой прозрачный силуэт. Желтовато-зеленая лампа... секундная стрелка часов со светящимися цифрами, показывающими восемь... влажная поверхность фотобумаги, блестящая, точно залитая маслом... всплывающий мягкий силуэт... перечеркивающий силуэт... силуэт, громоздящийся на силуэт... и, наконец, очертания твоего обнаженного тела, подобно следам преступника, оставленным в моем сердце...»

«Я хочу тот ящик».

Сто тысяч человек не обратили внимания на умершего

23-го, около семи часов вечера, у западного выхода подземного перехода станции Синдзюку в Токио полицейский патруль обнаружил мертвого нищего, примерно сорока лет, сидевшего, прислонившись к колонне.

По сообщению полиции, умерший был ростом 1 м 63 см, среднего веса. На нем была пестрая рубашка с длинным рукавом и рабочие сапоги; волосы давно не стриженные, как у бродяги. Он имел при себе сто двадцать пять иен мелочью и несколько газет, которые собирал, видимо, для подстилки. Никаких документов, которые позволили бы установить его имя, местожительство и другие данные, не обнаружено.

Указанный подземный переход – место весьма оживленное, за день по нему проходят до ста тысяч человек (по данным полицейского управления Синдзюку), в нем установлено множество телефонов-автоматов. По рассказам очевидцев, этот человек примерно полдня сидел в одной и той же позе, но в течение шести-семи часов никто не обратил на это внимания и не сообщил о нем полиции, пока полицейский патруль не обнаружил его. До ближайшего полицейского поста не более десяти метров, но полицейский утверждает, что за колонной ему не было видно умершего.

Потом я дремал, просыпался и снова дремал

Кстати, ты когда-нибудь слышала предание о ракушечьей траве? Пробивающиеся между камнями, которые устилают склон, где я сейчас сижу, расходящиеся веером, вроде фейерверка, усыпанные колючками веточки, наверное, и есть та самая трава.

Предание гласит, что тому, кто понюхает ракушечью траву, приснится, что он превратился в рыбу. Мне кажется, это обман, но и не исключено, что правда. Ракушечья трава любит сырую почву, богатую солью, и особенно легко приживается на морском побережье – вот почему в появлении такого предания нет ничего удивительного. К тому же существует точка зрения, что алкалоиды, содержащиеся в пыльце цветов этой травы, вызывают легкую дурноту, что-то вроде головокружения, и в то же время раздражают дыхательные пути и слизистую оболочку – это, видимо, и вызывает ощущение, будто погрузился в воду.

Однако этим дело не ограничивается. Тягостен не сон сам по себе, а пробуждение. Каковы ощущения настоящей рыбы, неизвестно, но время для рыбы из сна движется совершенно иначе, чем наяву. Движение времени резко замедляется – кажется, что земные секунды растянулись в дни и недели.

Прежде всего поражает необычность ситуации: ты играешь с ласковой морской травой, покрывающей утесы, ныряешь между полосами света, проникающими в толщу воды, гоняешься за стайками беззаботных маленьких рыбешек – в общем, наслаждаешься легкостью тела, освободившегося от земного тяготения. Чувствуешь, что ты стал легким, бесконечно легким. Радует жизнь, будто помолодел по меньшей мере на десять лет. Все телесные страдания, вызванные земным тяготением: тяжесть в желудке, онемение шеи и плеч, боль в коленных суставах, отек ног, – сразу же покидают тебя. Легкость, точно вино, пьянит рыбу из сна.

Не знаю, как настоящая, но лжерыба в конце концов трезвеет, и наступает пресыщение. Когда время еле движется, тоска становится непереносимой. И не так уж трудно представить себе, в какое состояние впадает затосковавшая лжерыба. Ею овладевает чувство покорности, похожее на паралич всех пяти чувств. Легкость освобожденного тела постепенно становится невыносимой. Будто тело крепко спеленуто и втиснуто в смиренную рубашку, имеющую форму рыбы. Подошвы ног тоскуют по упругой земле, по которой они привыкли ходить. Суставы начинают с нежностью вспоминать тяжесть мышц и тканей, которую они распределяют между собой. Лжерыба мечтает о том, чтобы ходить. Но вдруг с удивлением замечает, что у нее нет ног.

Отсутствуют не только ноги. Нет ушей, нет шеи, нет плеч... и, главное, нет рук. Горькое чувство неполноценности оттого, что вырваны руки. Невозможно полностью удовлетворить любопытство, не дотронувшись рукой до заинтересовавшего тебя предмета. Невозможно определить, что он собой представляет, не пустив в ход пальцы: не помяв, не пощупав, не покрутив, не повертев. Всегда стремишься вдоволь потрогать и погладить. А тут этот отвратительный чешуйчатый мешок. Сбрав все силы, ты пытаешься сорвать его с себя, но единственное, что удастся, – напрягши спинной плавник и широко раскрыв жабры, выжать из себя зелено-желтое дерьмо.

Лжерыбой, содрогавшейся от судорог так, что все тело наливается кровью, овладевает роковое подозрение: а вдруг я лжерыба? Но стоит закрасться сомнению, как начинают происходить удивительные вещи. Рыба, у которой не только нет рук и ног, но нет и голосовых связок, испытывает непереносимые муки, когда до нее это доходит. Вопиющая раздвоенность.

Но разве не это происходит со мной?

Все равно слишком затянувшийся сон. Бесконечный сон, длящийся так долго, что невозможно вспомнить, когда он начался. Удастся мне проснуться или нет?

Способ доказать самому себе во сне, что это сон, элементарен, я много раз прибегал к нему, и он действует безотказно – нужно лишь изо всех сил ущипнуть себя за ладонь... Правда, в этом сне у тебя, к сожалению, нет ногтей, чтобы ущипнуть, нет и ладони, которую нужно щипать. Ну что ж, если этот способ не подходит, можно попробовать другой – собрать все свое мужество и броситься вниз с утеса. Помнится, и его я не раз успешно использовал.

Главное, отсутствие рук и ног не помеха. Но может ли рыба, плавающая в море, упасть, вот в чем вопрос.

Я никогда не слышал, чтобы рыба падала. Мертвая рыба и та всплывает на поверхность. Упасть ей труднее, чем парящему в небе воздушному шару. Падение для рыбы – это антипадение.

Антипадение...

Да, такой способ тоже возможен. Он означает не падать вниз, а, наоборот, взлететь к небесам, утонуть в воздухе. А страх разбиться до смерти останется прежним. И значит, удастся проснуться от этого так же, как от падения на землю.

Когда эта мысль овладела однажды лжерыбой, она пришла в еще большее замешательство, неожиданно испытав несвойственный холоднокровным приступ трусости. Стоит только осознать во сне, что это сон, как направляешься к выходу из сна. Что может измениться, если после всего пережитого посмотреть еще немного на происходящее?

Лжерыба решила подождать. Даже сущность ее, окрашенная в синеву моря, стала синее.

Прошло еще сколько-то дней, сколько-то недель, и для лжерыбы настало время принять решение. Обрушилась буря. Налетел страшный циклон, какие нередко случаются в тропическом поясе, и до самого дна всколыхнул море. Поднялись огромные волны, способные вселить мужество даже в нерешительную, трусливую лжерыбу. И не потому, что она стремилась к гибели. Нет, просто она пыталась соединить свое тело с волнующимся морем.

Вдруг обрушилась волна – точно ей в бок впились пятьдесят электрических пил. Она подхватила лжерыбу, понесла и, ударившись о прибрежные скалы, подбросила ее высоко в небо. Утонув в воздухе, лжерыба погибла.

Но пришло ли пробуждение от сна? Нет, сон от ракушечьей травы так легко не кончается. Этим он и отличается от обычного сна. Лжерыба, до того как проснуться, погибла, и ей уже больше не было нужды просыпаться. Она должна была досмотреть свой сон о том, что произошло после ее гибели. В конце концов лжерыбе пришлось навсегда остаться лжерыбой, будто ее заморозили новейшим способом.

Буря утихла, и среди рыб, выброшенных на берег, оказалось немало несчастных, которые заснули, нанюхавшись ракушечьей травы.

Однако я почему-то до сих пор ни разу не превращался в рыбу. Сколько раз засыпал, но так и остался человеком-ящиком. Если вдуматься, между лжерыбой и человеком-ящиком нет, как мне представляется, такого уж большого различия. Надев ящик, я превратился в псевдо-себя, не являющегося мной самим. Может быть, у меня, псевдоличности, выработался иммунитет, не позволяющий видеть сон о рыбе? Наверно, сколько бы ни просыпался человек-ящик, он человеком-ящиком и останется.

Обещание выполнено, вместе с пятьюдесятью тысячами иен за ящик с моста было брошено письмо. Это случилось всего пять минут назад. Я приклеиваю здесь это письмо.

Я вам верю. Расписки не нужно. Покончить с ящиком поручаю вам. До того как наступит отлив, прошу вас разорвать ящик и бросить в море.

Странное дело. Я много раз перечитывал ее письмо. Может быть, его нужно читать как-то по-особому? Нет, сейчас я бессилён толковать его иначе как буквально. Я понюхал этот сложенный втрое листок бумаги с голубыми линейками. От него едва уловимо пахло креозотом.

Я был убежден, что придет врач. И все, что он делал до сих пор, лишь предваряло его нападение. Однако пришла она сама. Да, она пришла сама. Сама она пришла. Она сама... Не могу понять причину... нет, понимаю... просто она обещала и выполнила обещание. Почему я так растерялся? Может быть, потому, что ждал от нее предательства? Возможно. Во всяком случае, меня бы больше устроило, если бы она предала меня. Вот почему я растерялся, когда она сдержала слово. Хотя подожди, возможно, я упустил что-то важное. Например, стоило бы еще раз основательно взвесить ее отношение ко всему этому делу... ее роль...

(...Писать дальше, думается мне, уже нет никакого смысла. Ни я никого не убил, ни меня никто не убил, и поэтому снова начинать все эти объяснения просто бессмысленно.

Прилетевшее с неба письмо без адреса... разорвать и выбросить его?..)

Спокойно. Ведь здесь пятьдесят тысяч иен. Причем мне никто не говорил, что, получив деньги, я должен разделаться со своими записками. Она требует другого – чтобы я разделался с ящиком. За пятьдесят тысяч иен я передал ей все права на ящик. Уважая ее волю, я, согласно договоренности, должен, естественно, покончить с ящиком. И все-таки никак не могу взять в толк. Предположим, я покончу с ящиком, но кому и какая будет от этого польза? Только за то, чтобы выбросить его в море, пятьдесят тысяч иен... что ни говори, слишком уж щедро... неужели я их так сильно раздражаю? Не нужно придавать своей персоне столь большое значение – мотивы должны быть более разумными, жизненными, что ли. Должна быть совершенно определенная, веская причина, благодаря которой у них не возникает чувства, что пятьдесят тысяч иен выброшены на ветер...

Что же делать? Просто ума не приложу. Может, решиться и бросить им в лицо эти пятьдесят тысяч иен? Как ошибаются они в своих расчетах, если думают, что я на это не способен!

А вдруг мои рассуждения несостоятельны? Можно предположить, что она придумала весь этот план, чтобы ящик не попал в руки врача. У врача по какой-то причине возникло непреодолимое желание получить ящик. Возможно, сначала она соглашалась с его планом. Или делала вид, что соглашается. Но постепенно, по мере того как приближалось время его осуществления, засомневалась. Поразмыслив, она решила, что до добра это не доведет. Но сколько она ни убеждала врача, он и слушать ее не хотел, и ей не оставалось ничего другого, кроме как помешать осуществлению плана. К счастью, ей удалось добиться расположения некоего человека-ящика. И она подумала – а что, если поручить самому человеку-ящику покончить с ящиком? Таким образом, ящика не станет, и врач волей-неволей вынужден будет покориться обстоятельствам.

Да... мне представляется это вполне логичным... независимо от того, какова цель врача, пятьдесят тысяч иен она, видимо, стоит. Ситуация выглядит по-разному в зависимости от того, чем продиктовано ее стремление помешать врачу – обыкновенным эгоизмом или заботой о нем, но одно можно утверждать с полной уверенностью – между ними нет единопутья. Ну что ж, надо сказать, симптом неплохой...

И все-таки меня не может не беспокоить перспектива утраты ящика. Я еще не собрал всех необходимых сведений, чтобы быть спокойным. Все-таки покончить с ящиком я должен лишь после того, как выясню ее истинные намерения. Уж на это-то у меня право есть. К тому же, честно говоря, я ею очень недоволен. То, что она пришла сюда сама, – ничего не скажешь, прекрасно, но повела она себя слишком уж отчужденно. Даже с дамбы не спустилась. На своем легком велосипеде с пятью скоростями (прожектор грузового парохода осветил отливающий серебром плащ... просвечивающие сквозь плащ линии тела... и, наконец, движение влекущих меня коленей и крепких ног) она стремительно промчалась мимо щита «Купаться запре-

щено» и, не обращая внимания на робкие сигналы, которые я подавал карманным фонариком, выехала на автостраду. Через некоторое время в двух метрах от меня по земле, дрожа, заскользил круг света. Это был карманный фонарик, который она держала в руке, перегнувшись через перила моста. Для человека-ящика, лишённого возможности смотреть вверх, она была вне поля зрения. Потом какой-то звук... чуть в стороне от круга света что-то упало. Полиэтиленовый мешок, в который вложен камень – для тяжести. В нем лежало то самое письмо и пять свернутых бумажек по десять тысяч иен. Она уехала... Была почти рядом со мной и, не проронив ни слова, уехала. Исчезло в темноте движение крепких ног, потом исчезло сверкание мокрого плаща, исчез наконец и красный огонек. Когда я прочел письмо и пересчитал деньги, неожиданно послышалось шуршание моросящего дождя, которое и услышать-то невозможно. Может быть, с таким же шорохом кровь циркулирует в сосудах головного мозга?

Пятьдесят тысяч иен!.. Я бы хотел объяснить ей... для того, кто их дает, возможно, это пустяк, но для человека-ящика пятьдесят тысяч – огромные деньги, которые он не должен брать. Ей просто ничего не известно о человеке-ящике. Она слишком легко судит о том, что такое ящик для человека-ящика. Я не собираюсь хвастаться. Можно ли из одного хвастовства в течение трех лет прожить в ящике? Как только рак-отшельник начинает свою жизнь в раковине, его тело срастается с ней, и, если силой вытащить его оттуда, он тут же погибнет. Только ради того, чтобы вернуться в прежний мир, мне не стоит вылезать из ящика. Я бы покинул его лишь в том случае, если бы мог, как насекомое, с которым произошла метаморфоза, сбросить кокон, прежде чем вернуться в мир обновленным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.